

28 APR 1987

Солодуев Игорь
Васильевич

28/IV-87

4 ● Лесная промышленность

Гостиная «ЛН»

«ЛУЧШЕ ГОР ТОЛЬКО МУЗЫКА. И НАОБОРОТ...»

Легкой, пружинистой походкой он прошел между рядов оркестрантов и встал за дирижерский пульт. И по тому, как озорно тряхнул головой и улыбнулся, уже чувствовался настрой на веселую сказочную музыку.

Он дирижировал свободно, почти не заглядывая в партитуру. И все, что происходило на сцене, тотчас же отражалось на его лице: когда шалили Иванушка и Конек-Горбунок, лицо дирижера становилось хитровато-мальчишеским. Но вот закружился на сцене огневой цыганский танец — и дирижер откликнулся, отозвался на страстную мелодию всем своим существом...

В Большом театре шел балет Родиона Щедрина «Конек-Горбунок». За дирижерским пультом работал народный артист РСФСР Игорь Солодуев.

Фамилия эта известна в Большом театре. Сорок пять лет проработал в оркестре Солодуев-старший, сидя рядом с братом, более 20 лет танцевала на сцене театра тети Игоря. Музыка в семье Солодуевых звучала с утра

и до вечера, в доме собирались известные артисты и музыканты. И сегодня у Игоря Васильевича много друзей и единомышленников: они приходят к нему как к другу и каждый раз удивляются многогранности увлечений и талантов хозяина.

Солодуев сочиняет музыку. Он написал квартет для четырех фаготов, юмористическое скерцо и ряд других произведений. Комната увешана клетками с соловьями, чьи трели он записывал на магнитофон. Огромный аквариум занимает четверть комнаты. На полу воцарены три чудесных пушистых кавказских пса. На полках шкафа огромная коллекция пластинок великой русской певицы А. В. Неждановой, которой Игорь Васильевич аккомпанировал. На стенах десятки резных портретных шаржей из дерева. Солодуев прекрасный резчик — он достиг в этом прямо-таки профессионального уровня.

Сегодня Игорь Васильевич Солодуев — гость нашей гостиной. С ним беседует журналист Александр Длугач.

— В девять лет меня приняли в особую детскую группу Московской консерватории. — рассказывает Игорь Васильевич. — Занимался по классу скрипки у выдающегося музыканта и педагога профессора Л. Цейтлина. Затем с отличием окончил консерваторию. В кино, литературе иногда встречается образ мальчика-вундеркинда, пикирующего с утра до вечера на скрипке — хилого, рахитичного. И хотя я вовсе не считаю себя вундеркиндом, должен сказать, что, как и мои сверстники, увлекался спортом, физкультурой. Без этого не станешь хорошим музыкантом, ведь нужны в нашей профессии и выносливость, и тренированность — нагрузки велики. Вот тогда в годы учебы я увлекся плаванием лыжами, легкой атлетикой. Одному из первых мне вручили значок ГТО, которым я очень гордился. В консерватории у нас была создана секция по

альпинизму. Я тоже надел на плечи рюкзак и... на всю жизнь заболел горами.

Горы... Это прежде всего преодоление себя. Человек в сложной ситуации мобилизуется, собирается. Порой, движимый страстным желанием победить, он открывает в себе недюжинные физические и душевные силы. Как мне все это пригодилось, когда в 1940 году я был призван в Красную Армию и направлен в подразделение зенитной артиллерии! Наше подразделение участвовало в обороне Москвы. Знаете, когда наше зенитное орудие было установлено на крыше одного из самых высоких домов, я чувствовал себя нормально. Ни высоты, ни крутизны не ощущал, хотя другим молодым ребятам приходилось тяжело.

Попал в госпиталь. После лечения меня признали годным к строевой службе и оставили санитаром в

госпитале. Здесь тоже я не раз поминал добрым словом тех, кто когда-то увлек меня спортом. Физические нагрузки у санитаров были огромные.

Разгромив фашистов под Москвой, наши войска перешли в наступление. Почему-то именно в эти дни я вдруг вспомнил о своей скрипке — она была со мной, она была жива. Я играл в госпиталях, бомбоубежищах, землянках. И чувствовал, что музыка согревает солдат, помогает им.

Через два года специальным приказом народного комиссара обороны был демобилизован и направлен на работу в Большой театр. И хотя воевать пришлось мне недолго, горжусь, что в дни ожесточенных боев под Москвой был с теми, кто с оружием в руках сражался за родную столицу. Как самые дорогие реликвии храню медали «За оборону Мо-

сквы», «За победу над Германией».

Спектакли Большого театра шли тогда в здании филиала, где ныне играет Театр оперетты. Трудные это были дни. Помещение почти не отапливалось, пальцы с трудом удерживали смычок, артисты за кулисами отогревались в шубах и валенках, но какая удивительная приподнятая атмосфера

сопутствовала каждому спектаклю! Зрителями нашими были в основном солдаты и офицеры, уходившие на фронт сразу после спектакля. Мы это знали и играли вдохновенно, не жалея сил. Артисты, как умели, сражались за победу.

В те же дни я стал заниматься в аспирантуре у Давида Ойстраха и после ряда труднейших конкурсов

был назначен концертмейстером первых скрипок.

— Значит, тогда началась ваша деятельность как одного из руководителей оркестра?

— Да, можно так сказать. Ведь концертмейстеру мало быть квалифицированным скрипачом. Концертмейстер — это проводник дирижерских замыслов. Он должен обладать прекрасной реакцией и все время наблюдать за всей группой инструментов в оркестре.

— Это, видимо, и был первый шаг к дирижерскому пульту. Не так ли?

— Моя дирижерская судьба сложилась по воле его величества случая. Несколько лет назад театр отправился на очередные гастроли, дирижер опоздал к поезду. Спектакль «Неизвестный солдат» оказался под угрозой срыва. У меня не было другого выхода, как встать за пульт.

Аналогичный случай свел меня и с балетом Родиона Щедрина «Конек-Горбунок». Из-за нелетной погоды в Берлине задержался наш дирижер. До начала спектакля остается 40 минут, в артистической собрались актеры, фойе наполняется зрителями. ЧП! Меня вызывает руководство: «Не смогли бы вы, Игорь Васильевич, про-

дирижировать «Коньком-Горбунком»? Я знал, что это невероятно трудная партитура. Правда, был с ней хорошо знаком, играл с первых групповых репетиций. И все же сразу ответ дать не смог, попросил 25 минут, пошел в библиотеку, чтобы перелистать партитуру. Сомнений прибавилось: музыка сложная, масса всяких пропусков, ничего не стоит промахнуться. А времени на размышление уже нет. И тогда я сгруппировался весь, как перед восхождением на вершину. Спектакль начался. Первые пять минут от волнения не помню, а потом открылось дыхание. Щедрин остался доволен дирижированием, и балет закрепили за мной.

— Игорь Васильевич, скажите, жажда покорять вершины — в прямом и переносном смысле — откуда она в человеке?

— Вы знаете, каждый человек стремится достичь в жизни каких-то вершин. Одним это удается легко, другим сложнее. Одни удовлетворяются малым, другие рвутся дальше, выше, ставят и идут к новым целям. Это естественно. Вот я, наверное, из тех, кто не верит, что есть предел сил, возможностей, желаний. А веру эту дали мне горы и музыка. Закон здесь один: устал, нет сил, но все равно иди. И тогда тебе откроется счастье: увидишь восходящее солнце...

Фото Г. Соловьева.

У тех, кто покоряет горные вершины, есть традиция: оставлять там свой автограф. Свой последний, пятидесятый автограф Игорь Васильевич Солодуев поставил на одной из самых неприступных вершин Северного Кавказа — Чатын-Тау.

Но сегодня он снова в дороге. С группой советских музыкантов Солодуев играет в симфоническом оркестре столицы в Мексике. А созданный им струнный ансамбль в свободные дни путешествует по Мехико. Шефские концерты, организованные Советским посольством и Обществом Мексика — СССР, собирают сотни мексиканцев, никогда прежде не слышавших ни русской музыки, ни русской речи. Солодуев покоряет очередную вершину, и название ей — дружба.